Пищемуха В.Г.,

*к.и.н., доцент кафедры искусствovedения и общегуманитарных дисциплин
Международного гуманитарного университета*

КОНЦЕПТ "НАЦИОНАЛИЗМ" В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (ЧАСТЬ 1-я)

Аннотация. В статье рассмотрена взаимосвязь таких ключевых исторических явлений XX века как первая мировая война, европейская интеграция и различные проявления национальной идеи, в том числе национализм.

Ключевые слова: первая мировая война, европейская интеграция, нация, национализм.

Часть первая

*Давайте спросим себя,
в чем же разница между
конституционной сущностью
старого Советского Союза
и развивающегося Европейского Союза.
(сэр Ричард Боди. Вступительное слово
к эссе Линдсея Дженкинса «Альтеро
Спинелли —
крестный отец Европейского Союза»)*

Европейская интеграция, как каждое значительное историческое явление, имеет не только непосредственные причины, но и глубинные предпосылки различной степени значимости и временной удаленности. Одна из них — многовековая *т р а д и ц и я* стремления к европейскому единству и миру. Но для того, чтобы эта *idee fixe* смогла начать свое реальное воплощение, потребовалось две, как минимум, предпосылки: тектонический сдвиг в сознании европейцев в начале XX в. и уникальная комбинация политических и экономических обстоятельств в середине века.

Хронологически XX в., как и предыдущие столетия, наступил в положенное ему человеческим летоисчислением время, его приход не сопровождался какими-либо знаменьями, которые указали бы людям, что их ждет в течение последующих ста лет. Десятому веку в этом отношении «повезло» больше: его хронологическое начало было лишь календарной формальностью, так как исторически он начался в 1789 г. революцией во Франции, которая наложила отпечаток и в целом обусловила это не самое тяжкое в истории Европы столетие.

Историческое начало XX в., несомненно, ознаменовано первой мировой войной. Последовавшая за ней все ускоряющаяся карусель грандиозных событий и потрясений вовлекла человечество, и прежде всего Европу, в исторический Маль-

стрем. И хотя вторая мировая война была более масштабной и разрушительной, ее последствия и влияние на развитие человечества оказались, в целом, менее значительными и долговременными, чем наследие Великой войны. Именно она открыла шлюзы, в которые устремился накопленный ранее и слабо осознаваемый современниками поток психологических, политических, художественных, естественнонаучных и других идей, которые кардинально изменили все представления людей о самих себе и окружающем их мире. Эйнштейн и Фрейд, Пикассо и Джойс, Ленин и Гитлер окончательно разрушили рационалистический оптимизм и веру в прогресс, которые эпоха Просвещения завещала XIX веку.

Если принять за исходный тезис утверждение, что первая мировая война наложила решающий отпечаток на XX век и «подойти к истории Великой войны многоаспектно, исследуя разнообразие ее глобальных проявлений и воздействие на судьбы мировой цивилизации» [1, 62], тогда закономерно встает вопрос о ее влиянии на формирование предпосылок европейской интеграции.

Такой метод изучения исторического явления, начиная с его отдаленных истоков, таит в себе опасность того, что оно «с помощью надуманной игры в «причины» и «следствия»... может быть связано со временем, далеко выходящим за пределы его собственной длительности. Растяжимое до бесконечности, оно (*историческое явление* — В.П.) легко или с некоторыми трудностями увязывается со всей цепью событий, с предшествующими фактами и кажется нам неотделимым от них» [2, 118—119]. Но в то же время поиск долгосрочных тенденций исторического развития (*la longue durée* — категория длительной временной протяженности, по выражению французского историка Фернана Броделя) позволяет преодолеть событийную кратковременность политической истории, освободиться от удручающей тотальности незначительных исторических событий и осмыслить их в контексте развития определенной цивилизации. Как писал Ф.Бродель в 1941 г. в своем письме из немецкого лагеря: «Необходимо видеть крупно, иначе к чему История?» [3, 83].

Разумеется, при этом сохраняет свое значение политическая история, в частности, внутренняя

и внешняя государственная политика, исторический процесс также невозможно понять без учета роли личности и индивидуальной инициативы политических деятелей. Например, чтобы европейская идея зазвучала с новой силой после первой мировой войны, понадобился европейский романтизм Р.Куденхове — Каллерги (1923, книга «Пан—Европа»), а чтобы она впервые получила реальное практическое воплощение нужен был прагматизм и бюрократический гений Р. Шумана (1950, Декларация о создании Европейского Объединения Угля и Стали). Но эти факты, как и другие проявления событийной истории, могут быть осмыслены только через призму категории *la longue durée*. Французский историк Пьер Ренувен констатировал: «История международных отношений должна сначала изучать медленные изменения, происходящие в человеческом обществе — условия демографические и экономические, а также тенденции коллективной психологии... Глубинные факторы коллективной психологии — национальное чувство, религиозное чувство, преданность концепциям политической или социальной жизни — приводили в движение во все времена отношения между народами» [4, 402, 405].

Применительно к такому историческому явлению, как европейская идея, первая мировая война явилась, прежде всего, очередным, но уникальным по силе и глубине своего воздействия, психологическим потрясением для всех европейцев. Психологическая травма 1914—1918 гг., не успев *притупиться*, была резонирована ужасами 1939—1945 гг. и это создало в совокупности ту критическую массу в сознании европейцев, которая составила одну из главных предпосылок европейской интеграции.

Представляется, что теми «глубинными факторами коллективной психологии», которые оказали первоочередное влияние на процессы европейской интеграции в XX в., от динамики и вектора направленности развития которых она во многом будет зависеть в XXI в., являются такие идеологические и морально—психологические явления, как а/ стремление к миру между народами Европы и б/ европейский национализм¹.

¹ «Сенсационный» успех лидера Национального Фронта Жан—Мари Ле Пэн в 2002 г. на президентских выборах во Франции (17,8 % голосов во втором туре) перестает быть неожиданным, если рассмотреть его в контексте эволюции национальной психологии европейцев в XX — нач. XXI вв. Учитывая, что в программе Ле Пэн фигурировали такие пункты, как денонсация Маастрихтского, Шенгенского и Амстердамского договоров, упразднение евро и возвращение франка, отмена конституционной поправки, дающей право голоса иностранцам, ликвидация Европейской Комиссии и т.п., можно было прогнозировать проблемы, с которыми вскоре столкнется процесс европейской интеграции в свете тенденции усиления национальных настроений в Европе: через 15 лет его дочь Марин Ле Пэн получила во втором туре 34% голосов и это уже не стало неожиданностью.

Идея европейского единства зародилась и долгое время развивалась под воздействием двух основных общеевропейских потребностей: противостояния исламской экспансии и предотвращения междоусобных войн. Но если бесконечные войны явились важнейшей *причиной* мечты о европейском объединении, то альтернатива войны — мир, явился главным *условием* ее практического воплощения в жизнь, в свою очередь, только в единой Европе мир мог получить надежные и долговременные гарантии своего сохранения. Таким образом, мы имеем в данном случае не линейную причинно—следственную, а коррелятивную связь, т.е. взаимозависимость двух проблем европейского исторического развития: мира и интеграции.

В свою очередь, национализм², являясь одним из наиболее значимых источников международных конфликтов и войн, находится в оппозиции к идее мира, а следовательно, его влияние на процесс европейской интеграции колеблется в диапазоне от скептицизма до эффекта разрушения.

Таким образом, такой морально—психологический и идеологический фактор европейской интеграции, как чувство миролюбия, тенденция снижения уровня конфликтности, агрессивности в межнациональных, межэтнических и межгосударственных отношениях находятся в обратной связи с обострением национального чувства, переходящего в национализм. Оба этих компонента социально—психологической и духовной атмосферы Европы конкурировали между собой перед первой мировой войной и в огромной степени испытали на себе ее воздействие, но чтобы оценить значение динамики их развития в процессе объединения Европы, необходимо обратиться к истокам.

Прежде чем описать оба этих течения, необходимо сделать следующее замечание относительно методики их освещения. Как движение за мир, так и национализм существовали и развивались, во—первых, на идейно—теоретическом, пропагандистском и организационном уровне, а во—вторых, в форме общественной психологии, массовых настроений и эмоций. Советский историк А.Я.Гуревич в работе «Средневековый мир: культура безмолствующего большинства» отмечал, солидаризируясь с исторической «Школой Анналов»: «Само понятие социальной истории

² Понятие «национализм» применяется в данной работе в узком значении этого слова, т.е. оно обозначает высшую степень обострения национальных чувств в условиях кризиса национальной идентичности или угрожающего ущемления национальных интересов и готовности к радикальным методам разрешения существующих национальных проблем. К иным формам национальной идеи, вписывающимся в систему либерально—демократических ценностей, равно как и к их представителям, термин «национализм» не применяется.

не может не быть расширено и переработано за счет органического включения в него всего многосложного и многослойного комплекса умственных установок и социально—психологических механизмов, которыми руководствовались люди., не осознавая того, в своей социальной практике». Такой подход позволяет «...видеть в истории то, чем она в действительности является, — историю Человека в Обществе и Общества, состоящего из живых Людей» [5, 381].

В данной статье в части анализа исторических условий европейской интеграции акцент сделан на факторе националистического движения. Это обусловлено тем, что в XIX в. на смену религии, традициям, сословной морали в качестве инструментов идейно—психологического воздействия на т.н. «безмолвное большинство» начинают приходить идеи социального равенства и национальной гордости, всеобщее избирательное право и массовый митинг, поверхностное школьное образование и дешевая ежедневная газета. Отмечая появление этой тенденции целенаправленного идейно—психологического влияния на общество, английский историк Т.Карлейль еще в 1837 г. писал: «Отнюдь не Сорбонна (имеется ввиду теологический факультет Парижского ун—та, т.е. в данном случае — религия — В.П.), а Энциклопедия, философия, бесчисленное...множество готовых на все писателей, антирелигиозных куплетистов, романистов, актеров, спорщиков и памфлетистов приняли на себя духовное руководство обществом. Что же касается практического управления обществом, то его больше нет, точнее, оно перешло в руки довольно пестрой группы людей»[6, 14—15].

Французскому писателю Андре Моруа принадлежит глубокая мысль: «...поэты являются, быть может, настоящими историками»[7, 397]. Эти слова могут быть интерпретированы различным образом, в частности, означать, что поэты посредством создания литературно—исторических символов и образов поднимаются над тотальной бесконечностью исторических фактов и побуждают осмысливать долгосрочные тенденции исторического развития:

Есть дух Истории, безликий и глухой,
Что действует помимо нашей воли.
(М. Волошин, «Россия»)

Если исходить из того, что историю, в ее традиционном понимании, движут войны и революции, тогда «дух истории» — это преимущественно демоны и бесы. Но и ангельские духи истории могут пасть с небес и выполнить работу за дьявола, как это часто происходит с научно — техническим прогрессом или с государством, которое, по словам немецкого историка Г. Риттера, может «впасть в сатанинский порок».

Среди исторически значимых ценностей, которые придают смысл существованию человечества и оберегают его природу первостепенное значение принадлежит национальной идее, которая представляет собой сложный рационально — чувственный комплекс, способствующий консолидации нации, ее самоидентификации и самосохранению.

Начиная с Афин, Спарты, Сидона, Тира и других древних городов—государств, которые, как выразился Эрнест Ренан, «были маленькими центрами восхитительного патриотизма», происходит увлекательный процесс формирования этнической групповой самоидентификации, которая сегодня в своем наиболее развитом виде представлена современными нациями и их государствами.

Понятия — концепты «нация», «национализм» являются одними из наиболее неопределенных, многозначных и спорных как в науке, так и в политике, идеологии, обыденной жизни людей, существует огромное количество их концепций. Еще в 1887 г. английский историк У. Бэйджхот, который рассматривал XIX в. как эпоху «сотворения наций», иронично заметил: «Мы знаем, что это такое, когда нас об этом не спрашивают, но мы не можем без запинки объяснить, или определить это» [8, 28]. Хотя в данной работе не ставится цель обстоятельного рассмотрения концепций национализма и этничности, но представляется, что все же необходимо кратко изложить некоторые положения, из которых будет в дальнейшем исходить автор.

1. После двух мировых войн и в условиях современной глобализации национальная проблематика воспринимается многими как архаика, на национальное чувство, особенно в такой его форме как государство—нация, возлагается ответственность за трагедии XX века и грядущие проблемы завтрашнего дня. Но именно этническим формам самоидентификации человечество обязано, по выражению Джеймса Джойса, своим культурным разнообразием, именно в рамках национального государства сложилось индустриальное общество, национальное чувство продолжает оставаться составной частью комплекса ценностей, которые еще сдерживают процесс дегуманизации человечества. Игнорирование национального вопроса, в ряду других элементов традиционализма, чревато столь же серьезными потрясениями, как и его гиперболизация. В своей знаменитой лекции «Что такое нация», состоявшейся 11 марта 1882 г. в Сорбонне, Эрнест Ренан произнес слова, сохраняющие актуальность: «Существование нации — это...ежедневный плебисцит, как существование индивида — вечное утверждение жизни... Нации не вечны. Они начинались, они закончатся... Но только таков закон века, в котором мы живем».

В целях иллюстрации данного утверждения приведем следующий пример. В истории европейской интеграции существует знаковое событие — дискуссия и политическое столкновение между Жаком Делором и Маргарет Тетчер. Первый возглавлял Еврокомиссию с 1985 по 1995 годы, выступал за форсированную евроинтеграцию и многого достиг в этом, создал брюссельскую евробюрократию и заслужил имя «евронационалиста». В своеобразном европантеоне он занимает второе место вслед за Жаном Монне. С другой стороны, премьер—министр М. Тэтчер, говоря упрощенно, была не согласна с такой политикой и сопротивлялась ей. Нескольких публичных полемических выступлений Ж. Делора побудили М. Тэтчер произнести ответную речь — самую значительную, по распространенному мнению, за время пребывания ее на посту главы британского правительства. Она состоялась в европейском колледже в бельгийском городе Брюгге и называлась «Британия и Европа». С тех пор слово «Брюгге» стало символом британского сопротивления еврофедерализму и евроскептицизму. К слову, эпиграф к данной статье взят с сайта (www.brugesgroup.com) т.н. «группы Брюгге», основанной в 1989 г. и объединяющей ученых, экономистов и политиков, вдохновленных речью М. Тэтчер.

И в завершение данного отступления. Заключительная часть упомянутого в эпиграфе эссе Л. Дженкинса называется «Спинелли (читай Ж. Делор — В.П.) наносит поражение Тэтчер». Развитие евроинтеграции пошло по сценарию Ж. Делора, но брэкзит 2016 г.— это уже реванш М.Тэтчер, которая, не будучи националисткой, боролась против наднациональной Европы. Что сказал бы ее единомышленник генерал Де Голль, который в 1963 и 1967 годах наложил вето на вступление Великобритании в ЕЭС?

2. В процессе формирования этнических общностей, особенно на стадии их национально—государственного самоопределения, побочным результатом этой естественной эволюции явилось перерастание национальных движений в такую экстремальную форму, как национализм. Между этими двумя явлениями существуют существенные различия, на которые указывает, например, Мирослав Хрох в статье «От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе»[9, 121 — 145].

3. Слова «национализм», «националист» часто применяются в негативном оценочном смысле, поэтому эти термины требуют к себе ответственного и четкого подхода, разграничения с понятием патриотизма. В противном случае на одной доске окажутся Шарль Пеги и Хьюстон Чемберлен,

Де Голль и Гитлер, Маргарет Тетчер и Ле Пен. Националист, как правило — патриот, но патриот — вовсе не обязательно является националистом.

4. Впредь понятие национализм будет трактоваться как экстремальная форма национальной идеи, являющаяся реакцией на острые проблемы, с которыми сталкивается нация на определенных этапах своей истории. Его главными отличительными критериями является бесспорный приоритет общенациональных интересов по отношению к интересам индивидуума, традиций над потребностями современности, страстность, волюнтаризм и фанатизм в национальных вопросах, ксенофобия, часто расизм и антисемитизм, склонность к решению национальных проблем посредством самых радикальных методов. Национализм можно было бы сравнить с болью, которая является лишь сигналом о наличии болезни организма.

5. В современной науке существует два основных подхода к пониманию этничности: примордиалистский (объективистский) и конструктивистский. В первом случае этнос рассматривается как некая общность, всегда существовавшая в прошлом и консолидированная, прежде всего, на объективной основе: этническое происхождение, язык, культура, религия, обычаи и т.д. Во втором случае нация — это группа, чья консолидация осуществляется преимущественно на основе национального мифа, созданного ее культурно—политической элитой в прошлом и постоянно ею культивируемого. Классическим образцом примордиалистского, ценностного понимания нации рассматривают Германию, конструктивистский же подход обычно иллюстрируется на французском примере, которому соответствует известное выражение «Франция создала французов»: «Французская нация представляет собой политический проект (*projet politique*). **Немецкая нация, наоборот, появилась сначала в трудах интеллектуалов—романтиков как вечный дар, основанный на общности языка и культуры... Во Франции под влиянием якобинской идеологии суверенный народ провозглашает существование единой и неделимой нации. Это государство, то есть политическая сущность, которая порождает нацию. По немецкой романтической концепции нация, напротив, предшествует государству. «Volk» (это следовало бы перевести как этническая группа) представляет собой природное единство, основанное на общности языка и культуры. В соответствии с немецкой концепцией сначала был язык и культура, тогда как во французской концепции язык — лишь средство политической унификации»[10, 53].**

Соответственно указанным двум подходам к проблеме формирования наций мы в дальнейшем будем говорить и о двух типах национализма:

о национализме как политическом проекте, направленном на достижение определенных социальных целей, и о национализме, «органично» вырастающем в рамках определенной национальной культуры. При этом будем помнить, что ни один из них не существует в чистом виде: второй, как правило, является мифологическим основанием первого.

Развитие национального чувства, принимающего форму национализма и достигшего своей вершины в начале первой мировой войны, происходило в Европе под влиянием целого ряда факторов, таких как борьба за национальное самоопределение, развитие и самоутверждение на международной арене государства — нации, колониальная экспансия, межгосударственные противоречия и порождаемая ими межнациональная рознь и т. д. Во второй части данной статьи проследим это явление на примере зарождения немецкого, французского и итальянского национализма.

Литература:

1. Виноградов В.Н. Еще раз о новых подходах к истории первой мировой войны/В.Н. Виноградов// Новая и новейшая история. — 1995.— №5.
2. Бродель Ф. История и исторические науки. Историческая длительность/Ф. Бродель. — В кн.: Философия и методология истории. М.: Прогресс.— 1977.— 337 с.
3. Цит. по: Эмар М. Предисловие. — В кн.: Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России.— М.: ИВИ РАН.— 1999. 313 с.
4. Renouvin P. Les crises du XX — e siècle. II. De 1929 à 1945.— Paris.—1958.
5. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвующего большинства / А.Я. Гуревич.— М.: Искусство.— 1990.— 396 с.
6. Карлейль Т. Французская революция. История / Т.Карлейль.— М.:Мысль.— 1991.— 576 с.
7. Моруа А. Литературные портреты/А. Моруа.— М.:Прогресс.— 1970. 454 с.
8. Цит. по: Хобсбаум Э. Введение к книге « Нации и национализм после 1780 г. Прог — рамма, миф, реальность». — В кн.: Современные методы преподавания новейшей истории. Материалы из цикла семинаров при поддержке Demoscasy Programme.— М.: ИВИ РАН.— 1996.— 346 с.
9. См.: Нации и национализм / Б.Андерсон, О.Бауэр, М. Хрох и др. Пер. с англ. и нем./ М., 2002.
10. Серно П. Этнос и демос: дискурсивное построение этнической идентичности.— В кн.: Этничность. Национальные отношения. Социальная практика.— СПб.— 1995.

Пищемуха В.Г. Концепт націоналізм в контексті історії першої світової війни та європейської інтеграції. — Стаття.

Анотація. В статті розглянуто взаємозв'язок таких ключових явищ ХХ ст. як перша світова війна, європейська інтеграція та різні прояви національної ідеї, в т.ч. націоналізм.

Ключові слова: перша світова війна, європейська інтеграція, нація, націоналізм.

Pischemukha V.G. The concept of Nationalism in the context of the World War I history and European integration. — Article.

Summary. The article shows links between key events of World War I, European integration and the various manifestations of the national idea, including nationalism in the 20th century.

Keywords: World War I, European integration, nation, nationalism.